

ИНТЕРВЬЮ С ЕВГЕНИЕМ КОНАШЕНКО

Вниманию читателей предлагается интервью, которое взял автор сайта у русского австралийца, офицера RAAF в отставке, участника войны во Вьетнаме Евгения Конашенко.

Расскажите, пожалуйста, о себе, где Вы родились, как попали в Австралию, как стали военным?

Я родился в Харбине, в Китае, 9 июля 1920 года, в русской семье. Мой отец был офицером русской армии и принимал участие в сражениях первой мировой войны. Он служил в пулеметном подразделении, и кроме того, благодаря знанию азбуки Морзе, был радистом. После революции мои родители эмигрировали из России и встретились в Харбине, где поженились в 1918 году. В 1925 году моя семья переехала в Мукден, а в 1930-м – в Шанхай. До 1937 года я учился во французском колледже *Ste Jeanne D'Arc*. После этого на протяжении двух лет я учился во Французском муниципальном колледже, затем – во французском университете *Aurora*.

Во время японской оккупации в Шанхае было довольно трудно, особенно в 1943-44 годах. Было мало еды, зимой было очень холодно, никакого отопления вовсе не было. Несмотря ни на что, я учился, хотя одно время хотел пойти работать. Мой отец настоял на том, чтобы я продолжал учебу в университете. Благодаря ему я в 1945 году окончил университет по специальности «Право и Экономика».

Какое-то время я работал в аэропорту Кьянгвань в американской транспортной эскадрилье, затем во французской компании, занимавшейся морскими и воздушными перевозками. В октябре 1948 года я женился на Юлии Вертопраховой. Тем временем в Китае шла гражданская война, и приближающаяся победа коммунистов была очевидной. Мы боялись попасть под власть китайских коммунистов, и ближе к концу года нас эвакуировали самолетом ООН в американский военный лагерь в Японии, расположенный неподалеку от Токио. Всего на двух самолетах было эвакуировано около 100 русских, еще на одном – 50 беженцев других национальностей – литовцы, латыши, эстонцы, венгры, румыны, татары. Позднее [генерал Макартур](#) убедил правительство Филиппин принять беженцев из Китая на одном из островов. Так из Японии мы отправились на остров Тубабао. В лагере я занимал пост юридического ассистента в Арбитражной комиссии. Я встретился и подружился с членами Австралийской Группы по отбору иммигрантов/*Australian Migrant Selection Team*, которые убедили меня в том, что Австралия является идеальным местом для нас и всех наших родственников.

9 октября 1949 года мы прибыли морем в Сидней, откуда нас поездом отправили в иммиграционный центр в Батерсте. Оттуда мы вернулись в сиднейский лагерь для иммигрантов Уоллгроув/*Wallgrove*, где пробыли только несколько недель до того момента, пока нам не предоставили работу. Первоначально я работал рабочим на химическом предприятии, производящем яд для кроликов. Юлия получила работу в офисе одной из фабрик, расположенной напротив центрального вокзала Сиднея. Я вскоре поменял работу и устроился складским рабочим. (Я не мог работать юристом, так как мой диплом был французским).

Я всегда интересовался всем военным, и какое-то время был в контакте с армейской разведкой благодаря моему знанию многих иностранных языков. В конце апреля 1955 года мне попало под руку газетное объявление о наборе в *RAAF* офицеров службы обеспечения. По настоянию моей жены я подал заявление. Через несколько недель мне сообщили о предстоящем тестировании, включающем строгий медицинский контроль. Из

60 сиднейцев, подавших заявления, только 12 человек были отобраны для прохождения итоговой отборочной комиссии. Комиссия состояла из 5 старших офицеров, которые просматривали все предъявляемые документы. Председатель просмотрел мою дипломную работу «Китайский Туркестан» (он, очевидно, знал французский язык). После этого он задал мне вопрос: «По каким причинам Вы хотите вступить в *RAAF*?» Я быстро привел три причины:

1. Будучи иммигрантом, я хочу получить отличную возможность ускорить процесс моей ассимиляции.
2. Будучи выпускником университета, я смогу повысить свой социальный статус.
3. Я хочу, чтобы мои внуки гордились тем, что их дед служил в *RAAF* и, возможно, даже был ветераном войны (это при том, что моей дочке Мэгги тогда было только два года).

Странно, но во время интервью я не особенно нервничал. Я чувствовал, что попал в ворота (*имеются ввиду футбольные - В.К.*), что соответствовало действительности, так как 15 лет спустя занимавший в Канберре очень высокий пост офицер сказал мне, что отборочная комиссия пометила мое личное дело отметкой «Рекомендуется особо», а приняли, в конечном итоге, только двоих.

Через несколько недель я получил письмо с предложением прибыть на базу *RAAF* в Ричмонд для получения обмундирования и снаряжения и дальнейшей отправки в офицерскую тренировочную школу в Рэтмайнс/*Rathmines*. В Ричмонде я поселился в одной комнате с бывшим бортстрелком. Когда мы получили форму, на его кителе я увидел нашивку в виде половины крыла – это означало, что он ранее служил в летном составе.

В Рэтмайнс, после того, как были вывешены результаты первых экзаменов, я ходил с опущенной головой, так как мое имя было в самом низу. Тем не менее, постепенно, с помощью других офицеров и особенно тех, кто пришел в школу со службы, а также благодаря занятиям в вечерней группе, мои отметки значительно улучшились, так что к концу курса я смог поднять голову, поскольку был уже на третьем-четвертом месте. Я окончил офицерскую школу 8 декабря 1955 года и получил временное назначение на склад *N2 RAAF* в Сиднее. Сразу по прибытии меня немедленно отправили в военный суд защищать провинившегося рядового. Я защищал его весьма успешно, хотя его обвиняли по пяти различным пунктам. Военный суд признал его невиновным по 4 пунктам из пяти, и только по одному он был признан виновным.

В 1956 году в Мельбурне я встретил моего знакомого по Ричмонду бортстрелка, где мы проходили дополнительный курс обучения. Оттуда нас отправили на авиабазу в Ричмонд, где он занял пост офицера по обеспечению питания и бытовых условий (*catering officer*), а я – пост офицера по техническому снабжению (*Stock Control, Procurement and Warehousing Officer*). Затем меня перевели в 38-ю Эскадрилью, где я был назначен на должность главного инструктора по транспортным перевозкам и тренировочным полетам непосредственно перед тем, как мы получили самолеты *Геркулес/Hercules*. Мы обучали персонал ВВС и армии технике загрузки *Геркулесов* и сброса воздушных грузов. Мы также летали на различные армейские и воздушные авиабазы в Малайю, Новую Гвинею, Аделаиду, Брисбен, Таунсвилл и Перт для демонстрации возможностей *Геркулесов*. В это же время я получил квалификацию русского переводчика в школе иностранных языков *RAAF* в Пойнт-Кукке (Мельбурн). В 1961 году я получил назначение в Мельбурн, где служил на должности представителя по воздушному снабжению. В 1962 году я получил назначение в школу иностранных языков, где временно работал преподавателем французского языка для тех, кто должен был вскоре получить самолеты *Мираж/Mirage*.

В 1965-68 году я вновь служил в Сиднее, а в апреле 68-го я отбыл во Вьетнам в составе 9-й Вертолетной Эскадрильи, в которой занимал должность офицера по снабжению. Я

прослужил год во Вьетнаме, и после нескольких лет службы в различных частях *RAAF* в 1976 году вышел в отставку.

По случаю моей отставки я получил письмо от вице-маршала *RAAF* Джордана, в котором были и следующие слова: «...На различных постах Ваша служебная деятельность была отмечена высоким чувством долга, профессионализмом, прекрасными личными качествами: Вы были отличным примером и пользовались уважением всех, кто служил с Вами... Ваш обширный опыт представлял большую ценность, использовался Вами с наибольшей эффективностью и соответствовал самым высоким стандартам, поддерживаемым Вами...».

Как Вы восприняли конфликт во Вьетнаме в те годы? Повлиял ли на это восприятие тот факт, что за спиной вьетнамских партизан стоял СССР?

Отвечая сразу на второй вопрос, скажу, что совершенно не повлиял. Будучи убежденным антикоммунистом и находясь на службе в *RAAF*, я очень хотел попасть во Вьетнам, отлично зная, кто был нашим главным врагом и стоял за всем этим. Что толку служить в армии и не идти на войну? Я пропустил войну в Корее только потому, что к тому времени еще не получил австралийского гражданства и еще не служил в армии. На этот раз я сделал все возможное для того, чтобы удовлетворить мои амбиции, выполнить свой долг и выразить благодарность приютившей меня стране солдатской службой на войне – службой австралийца, хотя бы и бывшего беженца.

Изменилось ли Ваше отношение к этой войне сейчас?

Абсолютно не изменилось.

В наше время итоги этой войны подвергаются пересмотру. Многие пишут, что Америка (и Австралия) проиграли войну у себя дома общественному мнению, а не вьетнамцам на поле боя. Что Вы можете сказать об этом?

У каждого есть право иметь свое собственное мнение. Некоторые боялись идти на войну, некоторые были слишком узколобыми, других подстегивали коммунисты, а многие просто шли за толпой (как овцы) просто для того, чтобы раскатать лодку. Многие были просто нанятыми другими людьми профессиональными смутьянами – по телевизору можно было видеть, как одни и те же отвратительные морды появлялись на разных демонстрациях.

В то время участие в войне было необходимо. «Что-то выигрываешь, что-то теряешь». Мы приобрели опыт и зрелость. Настоящие события показывают, что мы можем показать миру, на что мы способны. Усилия австралийцев в последнее время заслужили уважение и высокую оценку ООН.

Молодые люди, которых призвали в армию во время войны во Вьетнаме, сейчас верят в то, что этот призыв был необходим. Они, бывшие призывники, и мы, бывшие кадровики и отставники, гордимся тем, что нам была дана привилегия и возможность послужить своей стране.

Что Вы делали на войне? Какой день войны Вам более всего запомнился?

Я был офицером по снабжению 9-й Вертолетной Эскадрильи RAAF на авиабазе Вунг Тао (слева на фото Евгений Конашенко во Вьетнаме). Я отправился во Вьетнам 28 апреля 1968 года, мое звание тогда было Flight Lieutenant (капитан). 1 января 1969 года я был повышен в звании до Squadron Leader (майор). В мои обязанности входило снабжение запчастями, необходимыми для поддержания вертолетов в боевой готовности. Я должен был также позаботиться о том, чтобы оружие, пуленепробиваемые жилеты, бронеспинки, боеприпасы и тому подобное всегда были под рукой у персонала эскадрильи. Большая часть снаряжения предоставлялась американцами. Временами было необходимо летать на другие базы ВВС США в поисках вещей, необходимых эскадрилье. Надо было иметь все необходимое в нужное время, и задержки были бы неприемлемы. Иногда, несмотря на тот факт, что запасные части были заказаны заблаговременно, их

доставка со склада в Сайгоне задерживалась или же что-то «терялось» при перевозке. Офицеру по снабжению надо было иметь «волшебную палочку», что доставить все необходимое в нужное время.

День и ночь мы были под минометным и ракетным обстрелом. Как говорится, «человек ко всему привыкает». Заграждения из мешков с песком были популярным местом, к которому надо было держаться поближе, будь это днем на летном поле или ночью вблизи казарм. Спали мы немного, кроме того, часто приходилось работать ночью. Однажды рано утром я увидел, как прямое попадание ракеты уничтожило подземное хранилище авиатоплива американцев размером в 350 000 галлонов, расположенное неподалеку от наших ангаров. По счастью, мы не взлетели на воздух, но топливо загорелось и горело со скоростью 10 000 галлонов в час на протяжении суток, пока не было потушено.

Эскадрилья участвовала и в эвакуации раненых с поля боя. *Геркулесы* парковались вблизи нашего ангара, и армейские автобусы подвозили к ним раненых для эвакуации в Австралию...

Есть ли у Вас боевые награды?

У меня пять наград:

1. Австралийская медаль за службу 1945-1975 с веткой за Вьетнам.
2. Австралийская медаль за Вьетнам.
3. Медаль австралийских вооруженных сил за эффективную службу.
4. Австралийская национальная медаль.
5. Медаль республики Вьетнам.

Кроме того, в начале 1960 года, когда на базу в Ричмонд прибыли французские военные самолеты с миссией доброй воли, командир французского подразделения вручил мне серебряную медаль за мое службу переводчиком.

Знакомы ли Вы с другими участниками войны – австралийцами русского происхождения?

Нет.

Просто расскажите что-нибудь о той войне, что считаете нужным.

Для того, чтобы скрасить темную сторону войны, я бы хотел упомянуть несколько забавных эпизодов, которые мне запомнились.

Когда я прибыл на авиабазу Вунг Тао, я носил звание Flight Lieutenant, которое эквивалентно званию капитана в армии. На моей тропической шляпе я носил знаки различия американского капитана. Как-то раз, наш старший офицер по снабжению продовольствием, который был Warrant Officer (воррент-офицер – эквивалент прапорщика), сказал мне, что вокруг кухни очень грязно, и попросил меня раздобыть несколько мешков цемента. На погонах у наших прапорщиков были эмблемы в виде крыльев орла и короны. Я взглянул на него и меня осенило. Точно не помню, что у него было на голове, но точно помню, что на погонах были орлы. Я попросил его поехать со мной на моем джипе, так как мы отправлялись на ближайший к нам американский склад. Когда мы прибыли, нам начали салютовать со всех сторон! Поскольку в американской армии орлы на погонах только у полковников, американцы решили, что капитан привез с собой полковника. Я спросил у американского сержанта, нет ли возможности раздобыть немного цемента. Он незамедлительно пролаял приказ своим солдатам: «Доставить цемент полковнику, быстро!» Я знал, что джип можно было как следует загрузить и поэтому не вмешивался в их работу. Через 15 минут мой джип был полностью загружен мешками с цементом, которых было более чем достаточно, чтобы забетонировать полосу грязи вокруг кухни. Мы поблагодарили сержанта за его щедрость, а после того, как отъехали, отдали нашему «полковнику» честь на американский манер...

... Как-то посреди ночи я услышал, как кто-то крадется за стеной моей комнаты. После этого я услышал: «Джин, мне очень плохо, отвези меня в госпиталь.» Это был наш адъютант. Я отвез его в американскую медчасть, где ему сделали укол и сказали, что все будет нормально. Через три недели, также поздно ночью, мне стало плохо, но я сумел дотащиться до джипа и доехать до той же самой медчасти, где мне также сделали укол и сказали, что утром все будет хорошо. Должно быть, это было отличное лекарство, да и шприц был такого размера, что был бы впору для коня. Наверное, шок от такого крутого лечения и привел меня в себя...

... Некоторые ребята из нашей эскадрильи, когда позволяло время, помогали ремонтировать вьетнамский детский дом, которым заведовали говорящие по французски монахини. Они также изготавливали люльки и кровати для вьетнамских детей и младенцев. Несколько раз они вызывали меня в качестве переводчика...

... Наши летчики всегда имели в своем распоряжении несколько банок с фруктовыми соками, которые не успевали выпить. Так что, когда бы у нас не возникала необходимость лететь на другую американскую военную базу на поиски срочно понадобившихся запчастей, мы всегда брали с собой банки с разными фруктовыми соками, которые янки просто обожали. Система бартера работала исключительно продуктивно, так как мы всегда возвращались с нужными запчастями и с одной-другой пробоиной в брюхе вертолета...

... Много раз я заказывал пуленепробиваемые жилеты и бронеспинки, но каким-то образом они исчезали между сайгонским складом и Вунг Тао. Американская система снабжения подводила нас вновь и вновь из-за недобросовестности тех, кто прерывал поставки наших заказов. Так, для того, чтобы не испытывать недостатка в защитном снаряжении и не подвергать опасности жизнь экипажей, я просил моего сержанта оповещать американцев на разных базах о том, что мы готовы предложить множество банок с австралийскими соками в обмен на жилеты и бронеспинки. Через полчаса после такого оповещения американские машины выстраивались возле нашего ангара, и американцы несли нам защитное снаряжение в обмен на наш товар. Как говорится, «все благородно в любви и на войне» ...

... Неприятно признаваться, но один раз мы стащили запасную часть, предназначавшуюся для доставки в одно из американских подразделений на нашей авиабазе. Это был, как говорится, вопрос жизни и смерти, так как один из наших вертолетов должен был быть в боевой готовности на следующий день. Как бы то ни было, руководствуясь благими намерениями, как только пришла такая же запасная часть, которую мы заказали за несколько недель до этого, мы немедленно передали ее тому, кому она предназначалась

с извинениями за «ошибку». Мы просто совершили правильный поступок с точки зрения кодекса чести. Noblesse Oblige...

... Наши старшие «унтер-офицеры», в основном те, кто был свободен от служебных дел в тот момент, по воскресеньям организовывали барбекю на пляже. Если я был свободен от дел, я использовал этот шанс для того, что съездить на пляж и искупаться. Пляж был защищен двойным рядом колючей проволоки, на которой висело несколько ядовитых змей, напоминая нам о том, что в их лице у нас был еще один враг. Однажды я набрался храбрости и сам повесил на проволоку змею – мертвую, конечно. По правде говоря, я побаивался лезть в воду один и ждал, пока вокруг не наберется большое количество купающихся и не распугает змей. Ну а в том случае, если в нашу сторону вдруг направится вьетнамская рыбацкая лодка, австралийский пулеметчик, устроившийся на насыпи, был готов в любой момент открыть огонь и отогнать рыбаков...

... Мой хороший друг, с которым я оканчивал офицерский курс в Рэтмайнс в 1955 году, в 1968-69-м годах базировался в Сайгоне (он и я прилетели во Вьетнам на одном и том же самолете и сидели рядом друг с другом, возвращаясь в Австралию 29 апреля 1969 г.). Он тоже служил по линии снабжения и отвечал за бесперебойность доставок во все наши части, находившиеся во Вьетнаме. Как-то он прибыл на нашу базу с целью установить круг проблем, с которыми сталкивались снабженцы на Вунг Тао. Я встретил его, как только он приземлился, и сразу же заметил, что он явно не в себе. Казалось, он был сильно взволнован, и вообще выглядел неважно. Он сказал мне, что в Сайгоне, на пути в аэропорт, две молодые вьетnamки, ехавшие на мотороллере, швырнули в его машину что-то, что, по счастью, оказалось просто бумажным пакетом с дурно пахнущей жидкостью, которая окатила его и лобовое стекло его машины. Хорошо, что бросили не гранату...

... Через несколько месяцев, когда я прилетел в Сайгон, чтобы уладить кое-какие проблемы со снабжением, в аэропорту меня встретил сержант и повез в штаб наших ВВС. По пути он предупредил меня, чтобы я не заказывал лед, покупая какие-либо напитки в лавках и барах Сайгона, так как очень часто вместо льда подавали битое стекло. Он также упомянул неприятный опыт, который он приобрел в одном из городских баров. Как только он вошел в бар, он услышал чей-то крик «ложись, ложись, ложись!» Он грохнулся на пол быстрее, чем большинство других, и тут в открытую дверь влетела граната, брошенная прохожим. По счастью, взрывом лишь слегка ранило нескольких посетителей...

... Как-то раз, когда была моя очередь быть дежурным офицером, примерно в 1.30 ночи дежурный сержант доложил, что двое наших парней нарушили комендантский час и были задержаны военной полицией ООН в нескольких милях от базы. Мы немедленно организовали вооруженный патруль, одетый в пуленепробиваемые жилеты и отправились в путь на машине с установленным на ней пулеметом. Было крайне необходимо вырвать двоих наших нарушителей из лап военной полиции. Как потом стало известно, двое ребят, закончив свой срок службы, хорошо отметили это событие накануне отлета из Вьетнама. Как только мы в целостности и сохранности вернулись на базу, я сделал им внушение и безо всякой неопределенности дал понять, что моей обязанностью является регистрация происшествия в журнале дежурного офицера. Я сказал им (с намеком), что подам рапорт о случившемся в 9 утра (то есть, через три часа после их отлета). Я знал, что они поймут намек, имея представление о том, что мне придется исполнить свои обязанности тогда, когда они уже будут высоко в воздухе на пути домой, обезопасив себя от наказания...

Во время моей службы во Вьетнаме, я приобрел еще один неприятный опыт. Так случилось, что у нас находились несколько артистов из Сиднея, приехавших развлекать войска. Мой друг, тоже офицер, у которого также был свой джип, сказал мне, что нас попросили сопроводить некоторых из них в их отели в городе. Так мы отправились в путь с артистами. Поскольку нам было нужно ехать в разные отели, мы договорились встретиться после этого в определенном месте. В то время я плохо знал местность. Так или иначе, встретиться нам не удалось, и мне пришлось ехать на базу одному. Будьте уверены, езда в полной темноте на скорости 60-70 миль в час по незнакомой дороге в

довольно враждебных условиях по направлению к огням нашего аэродрома, которые светились вдалеке, наполнила меня чувством страха, тем более, что в моем джипе уже была пулевая пробоина, полученная машиной тогда, когда ей управлял мой предшественник. В него стреляли с ехавшей навстречу машины, и пуля прошла в сантиметре от его живота. Когда я, в конце концов, приехал на базу, мою рубашку можно было выжимать – должно быть, это была жаркая ночь...

... Недавно, 29 апреля 2001 года меня познакомили с русским с Сахалина. Он обратил внимание на мои военные значки и спросил, не служил ли я в армии. Я сказал ему, что воевал во Вьетнаме в 1968-69 годах. Он сказал, что тоже был во Вьетнаме по другую сторону линии фронта в нашем районе боевых действий. Он сказал, что они поставляли ракеты Вьетконгу и обучали вьетнамцев их боевому применению. Я засмеялся и сказал, что он, должно быть, и есть тот человек, который не давал нам спать каждую ночь. Он тоже засмеялся и сказал, что хорошо, что, по меньшей мере, мы не убили друг друга. Он пробыл во Вьетнаме только 4 месяца, так как был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в Россию. На прощание мы, бывшие враги, пожали друг другу руки.

Возврат к главной странице www.warsstory.org